

Д. К. Первых

Первых Диана Константиновна (Симферополь, Россия) — кандидат культурологии, ассистент кафедры межъязыковых коммуникаций и журналистики Таврической академии Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского; Email: dianavasileva@yandex.ua

РУССКИЙ, ФРАНЦУЗ, АНГЛИЧАНИН: СОВМЕСТНАЯ ЖИЗНЬ НА ПОЛЯХ СРАЖЕНИЙ КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ ЖУРНАЛОВ «СОВРЕМЕННОК» И «МОСКВИТЯНИН»)¹

Статья посвящена исследованию диалектики отношений сошедшихся в период Крымской (Восточной) войны (1853–1856 гг.) на маленьком Крымском полуострове противников: русских, французов, англичан. В основу публикации легли воспоминания и письма участников-очевидцев войны: русского офицера Н. В. Берга, французского штабного офицера Ш. Боше, сестер милосердия Крестовоздвиженской общины, рядовых солдат. Собранные материалы позволяют понять, что чувствовал человек на войне, как воспринимал противника, как понимал сложившиеся обстоятельства и свою роль в этих обстоятельствах.

Ключевые слова: диалектика отношений, Крымская война, русский, француз, англичанин, журнал «Современник», журнал «Москвитянин».

D.K. Pervikh

Diana Pervikh (Simferopol, Russia) – PhD in Culturology, Assistant at the Department of Interlingual Communications and Journalism of the Taurida Academy, the Crimean Federal University; Email: dianavasileva@yandex.ua

A RUSSIAN, A FRENCHMAN, AN ENGLISHMAN: LIFE TOGETHER ON THE BATTLEFIELD OF THE CRIMEAN WAR (BASED ON THE MAGAZINES "SOVREMENNİK" AND "MOSKVITYANIN")

The article investigates the dialectic relationship between the opponents – Russian, French, and English— during the Crimean (Eastern) War (1853–1856) in a small Crimean peninsula. The basis of the publication formed the memoirs and letters of veterans, eyewitnesses of the war: a Russian officer N. Berg, a French staff officer S. Bose, Sisters of Charity of the Holy Cross community, ordinary soldiers. The materials collected in the article allow us to understand the feelings of people at war, how they perceived the enemy and how they understood the circumstances and their role in those circumstances.

Keywords: dialectic relationship, the Crimean War, Russian, Frenchman, Englishman, the

1 Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ (проект № 15-34-10100)

ОБЩЕ-ЖИТИЕ: ФЕНОМЕН
СУЩЕСТВОВАНИЯ В ОБЩИХ МЕСТАХ

magazine "Sovremennik", the magazine "Moskvityanin."

Историки рассматривают войну с точки зрения успешности — неуспешности, выигранных — проигранных сражений, потерь, тактики командного состава. Проследить судьбу человека, прошедшего войну, — периферийная для историка задача. А между тем, задача эта не менее важная, прежде всего, для более глубокого понимания того, что чувствовал человек на войне, как понимал он сложившиеся обстоятельства и свою роль в этих обстоятельствах.

Несомненно, интерес нашего современника вызывает вопрос: как относились друг к другу сошедшие в период Крымской войны на маленьком полуострове союзные армии и какова диалектика отношений противоборствующих сторон? Вопрос исторически закономерный и, как оказывается, очень болезненный даже сегодня, когда стоит проблема одинаково бережного отношения к захоронениям защитников Севастополя и агрессоров. Но, наверное, правильно прежде прислушаться к точке зрения самих участников войны, офицеров и простых солдат. Свидетельств очень много: рассказы о братаниях неприятелей, о зарождающихся приятельских отношениях и даже привязанностях, взаимной помощи разноязычных раненых и одинаковой заботливости врачей по отношению к ним.

Об обоюдной врачебной помощи сохранилось множество свидетельств, как русских, так и французских. Так, в письмах штабного офицера Н. В. Берга издателю журнала «Москвитянин» М. П. Погодину от 7 июня 1855 г. в деталях передана обстановка на перевязочном пункте русской армии в районе Павловского мыса²: «Огромная комната была наполненная ранеными французами и русскими. Кому достало тюфяков, а кто лежал на голом полу, улитом кровью. Три священника в разных местах напутствовали отходящих в жизнь вечную. У больших открытых настежь дверей стояла кровать, на которой ампутировали, и которая никогда не была порожней. Чтобы обойти всю комнату, заглянуть во все углы, надо иметь крепкия нервы» [3, т. 85, с. 57]. Берг с болью рассказывает о «кучах французских раненых», которые «при-ползли сами во время дня к нашей цепи»: «Беспрестанно появлялись носилки одни за другими, слышались стоны и крики. «De l'eau! de l'eau!» («Воды! Воды!» — Д. П.). Им давали сию минуту». Поразил Берга французский артиллерист, «весьма красивой наружности»: «Он плакал, утирая слезы платком, но так, как будто отирал лицо. Кажется, ему не хотелось, чтобы видели его слезы. Между ранеными было несколько арабов и турок» [3, т. 85, с. 58].

Еще один документ, свидетельствующий о жестоких подробностях войны и одновременно о гуманном отношении к противнику, — письмо сестры милосердия Крестовоздвиженской общины³. Приведем лишь отрывок: «Я не могу описать этой ужасной картины, этого раздирающего сердце стоны и крика. Вся операционная комната была уложена этими страдальцами: весь пол был залит кровью, и мы стояли в крови». И ниже: в числе раненых есть 22 француза и 3 англичанина. «Один получил четырнадцать ран штыком; лицо его поколото таким образом,

2 Павловский мыс огибает с севера Корабельную бухту Севастополя. Здесь построили для матросов казарму (Павловскую), а в 1853 г. на оконечности мыса был возведен Павловский рavelин, вооруженный 34 орудиями для обороны Корабельной и Южной бухт Севастополя. В конце первой обороны Севастополя (август 1855 г.) при отступлении русских войск на Северную сторону Павловская батарея была взорвана. Сегодня на оконечности мыса находятся гидрометеостанция Севастополя и «Адмиралтейский» корпус **Военно-морского клинического госпиталя имени академика Н. И. Пирогова**.

3 Первая в мире община сестер милосердия для помощи воинам на полях сражения — Крестовоздвиженская — была учреждена 25 октября 1854 г. Ее возглавил Н. И. Пирогов. Председателем был назначен управляющий Таврической казенной палатой В. М. Княжевич. Во время Крымской войны в Крыму находилось 98 сестер милосердия, многие погибли [4, с. 431 – 461].

ОБЩЕ-ЖИТИЕ: ФЕНОМЕН
СУЩЕСТВОВАНИЯ В ОБЩИХ МЕСТАХ

что язык отрезан, и этот страдалец еще жив», — с глубоким состраданием пишет сестра [5, т. 52, с. 144].

О сочувственном отношении к противнику напишет в «Крымских письмах» (перевод с фр. Д. В. Орехова. — Д. П.) французский штабной офицер, участник Крымской экспедиции, Шарль-Филипп Боше, служивший при штабах генералов Конробера и Боске [4, с. 259 – 308]. После кровопролитного сражения на Черной речке 4 (16) августа 1855 г., в котором русские войска потерпели поражение и потеряли более 8 тысяч человек, Боше с сожалением сообщал, что госпитали набиты французскими и русскими больными и ранеными. В палатках не хватало места, и русских положили на земле под открытым солнцем, «стонущих, корчившихся в ужасных страданиях, с видом страшнейших ран»: «Наши солдаты приносили им воды, утешали их и обращались наилучшим образом» [4, с. 293]. Более того, один из французов, побывавших в плену у русских, считал своим долгом помогать противнику. «Со мной так хорошо обошлись, что я хочу им дать все, что могу», — твердил француз. Он то и дело предлагал русским табак, водку, разведенную водой, и все это, как отмечает Боше, «с трогательной простотой, которая давала возможность несчастным раненым понять, что теперь они имеют дело не с врагами» [4, с. 293].

Трудно не заметить, что в письме от 25 августа 1855 г. Ш. Боше акцентирует внимание на взаимоотношениях противников, рассказывая, как во время визита в госпиталь с одним из артиллерийских капитанов он встретил русского артиллерийского капитана, «великолепного офицера, исполненного достоинства»: «У обоих грудь была пробита пулей насквозь в деле у Трактира⁴ во время их сражения друг против друга». Сейчас, — не без удовлетворения отмечает Боше, — они очень хорошие друзья. За русскими пленными ухаживают также, как за французскими; если и делаются различия, то скорее в пользу русских» [4, с. 294 – 295]. И далее, в качестве дополнения: «Наши, возвращающиеся из России, находили повсюду наибольшие знаки уважения. Нет никакой неприязни между двумя вражескими армиями, и, чтобы об этом ни говорили, там (у русских. — Д. П.) тоже желают мира» [4, с. 295].

Однако далеко не все воспоминания однозначны. Например, из рассказа «Восемь месяцев в плену у французов» корреспондента газеты «Одесский вестник» Н. П. Сокальского⁵, записанного со слов рядового Московского полка Павла Таторского, взятого в плен при Альминском сражении 5 сентября 1854 г., читатель получает подробное представление о пребывании русских во французском плену. Следует отметить, что традиционные представления общества о цивилизованности и культуре французов многократно подвергаются сомнению. Ибо, свидетельствует Таторский, на поле боя среди французов встречаются мародеры (хотя среди турок больше), и в плену русских рядовых содержали впроголодь (суп варили из ослатины, несколько раз заливая одно и то же мясо водой, хлеба давали мало); пленные спали в тюрьме на каменном полу, согреваясь одной шинелью; пленных заставляли работать, а тех, кто не мог, «сажали в *призон*, в холодный погреб в одной рубашке, и не давали ему супу <...>, и хлеб один раз в сутки — фунт с четвертью» [5, т. 53, с. 189]. Чем обусловлена черствость и неприязнь по отношению к противнику далеко за пределами военных действий? Наверное, тем, что не на поле боя, так сказать, в мирных условиях, издавек, война воспринимается по-иному. Похоже, на поле боя, на одинаково близком расстоянии от смерти люди скорее способны ощущать и разделять горе и страдания другого.

4 Речь идет об эпизоде сражения у Трактирного моста на Черной речке под Севастополем 16 августа 1855 г.

5 История сотрудничества Н. П. Сокальского с журналом «Современник» подробно описана нами в статье «Военный корреспондент Н. П. Сокальский и его севастопольские герои» [1].

ОБЩЕ-ЖИТИЕ: ФЕНОМЕН
СУЩЕСТВОВАНИЯ В ОБЩИХ МЕСТАХ

Хотя и в «далеком плену» не все жестоко относятся к пленным. Так, совершенно в ином настроении воспринимается следующий рассказ из записей Н. П. Сокальского «Госпиталь в Константинополе» — о пребывании во французском плену русского рядового тяжелораненого Павла Поветкина; об уходе за ним французской сестры милосердия Магдалины; об их романтической любви, ничем не закончившейся, так как Павла отправили в Тулон. Жизнь ставила между ними непреодолимые преграды: солдат, как истинный патриот, не захотел нарушить присягу и остаться служить во Франции.

Стоит напомнить, что терпимое отношение к противнику сформировалось не сразу, а после почти двухлетнего пребывания союзников в Крыму и провалившегося плана взять Севастополь за одну неделю. За это время англо-французская коалиция успела оценить обороноспособность российских войск, бесстрашие и самоотверженность защитников Севастополя, талант и мастерство русского командования.

«Позапрошлой ночью, — пишет 24 марта 1854 г. Шарль Боше, — против наших оборонительных сооружений справа, со стороны Зеленого Холма, была высадка русских, очень смелая и прекрасно скомбинированная. <...> Их было от семи до восьми тысяч под командованием Хрулева». Генерал С. А. Хрулев пользовался большим уважением у противника. В одном из писем Н. В. Берг в подробностях опишет свое знакомство с «почтенным человеком» с «выразительными чертами лица», и подметит отношение французов к русскому генералу: «Ходил всегда в шинели и в черкесском папахе. Особенно оригинален был на коне. Французы знали его фигуру и на перемирии оказывали ему всевозможные знаки уважения». Если Хрулев проезжал во время перемирия «по цепи», всегда являлся кто-то из французских генералов посмотреть «на нашего Хрулева», — с гордостью подытожит Н. В. Берг [3, с. 143 – 144].

Французский офицер Ш. Боше восторгается «незаурядным» русским офицером Тотлебенем, «душой и вдохновением обороны»: «Он работает против нас, а в нашем лагере говорят только о нем» [4, с. 266]. И защитники Севастополя вызывают у француза искреннее уважение: «Русские значительно превосходят нас. Мы слишком пренебрегали их силами. Мы, наверное, надеялись увидеть, как стены Севастополя падут подобно стенам Жерико <...>. Город, снабженный восемьюстами стволами орудий, громоздящимися друг на друге, с пятьюдесятью тысячами неустрашимыми защитниками под храбрым командованием, невозможно взять так легко» [4 с. 266].

Нехватка воды, продовольствия, амуниции и «скука от продолжительного пребывания на бесплодной местности между Севастополем и Балаклавою» — т. е. общие тяготы невольно сближали противников. Вот случай из частной жизни защитников: во время затишья на поле боя русские бойцы подстрелили зайца. Добыча лежала между нашими и неприятельскими ложами. Меткий стрелок, выскочив из траншеи, мгновенно доставил зайца к своим. Наши и англичане, забыв на время перестрелку, с восторгом смотрели на удалца, кричали «ура» и даже хлопали, — пишет автор рубрики «Внутренние известия» журнала «Современник», ссылаясь на письмо одного из очевидцев Севастопольской обороны [5, т. 52, с. 155].

Братания неприятелей происходили и в короткие часы перемирий, пишет «Москвитянин»: «Зуавы дарили нашим солдатам трубки, которых прислал им Наполеон в подарок, в день своих именин (3-го августа). Носили убитых вместе с нашими — один у носилок наш, другой зуав» [3, т. 86, с. 25]. Часто бывало и такое, что противники заговаривали друг с другом (безусловно, как умели) и даже угощали провиантом. В рассказе «Жизнь на севастопольской батарее» из цикла Н. П. Сокальского («Современник») бывалый матрос Галищенко, защищавший Севастополь от начала обороны, спокойно рассказывает о перемирии, братаниях с неприятелем.

ОБЩЕ-ЖИТИЕ: ФЕНОМЕН
СУЩЕСТВОВАНИЯ В ОБЩИХ МЕСТАХ

лем. Солдаты «хватаются за руки»: «Ты ему, известно, сивухи тычешь, а он тебе рому, бишкви-лей; пойдут разговоры. Ну, только он по-нашему и знает, что «рус, рус, матрос, матрос», а ты ему: «англичан, англичан!» [5, т. 55, с. 232]. Но заканчивается перемирие, и опять эти солдаты идут друг на друга в штыки.

Характерно, что и у русских противник не всегда вызывал только чувство ненависти. Хрестоматийным на этот счет выглядит рассказ в «Современнике» о подвиге рядового Шевченко, описанный в статье Ег. Ковалевского⁶ «Бомбардирование Севастополя» (Из 2-ой части «Истории воин 1853, 1854 и 1855 годов»), где безыскусно воспроизведены характер русского солдата и его отношение к происходящему: «Нет добродушнее русского солдата. <...> Когда молодой солдат бранит неприятеля, старый солдат всегда заметит ему: «Он не виноват: как ему приказали, так он и делает; а француз хорошо дерется», – заметит он в заключение, и охотно дерется с французом, особенно на вылазках, потому что любит брать грудь, штык предпочитает всему...» [5, т. 57, с. 150 – 152].

Но совершенно в ином ключе, в ином настроении воспринимается история «Занятие Евпатории союзными войсками», записанная со слов приказчика Степана Цуровича, служившего в одном коммерческом доме в Евпатории. Приказчик и несколько его сослуживцев, имея оружие, не только не оказывали никакого сопротивления грабившим их в Евпатории туркам, не только не помогали нуждавшимся в помощи (чего стоит сцена под окнами этих чиновников: турки и татары поймали на улице мужчину и женщину, избивали мужчину, толпой погнались за женщиной, а увидевшие это, вздохнув, закрыли ставни), но заботились, прежде всего, о личной безопасности и своем имуществе, которого, кстати говоря, все же лишились. Имел ли ввиду Н. П. Сокальский и редакция «Современника» противопоставить поведение персонажей этого рассказа героизму севастопольских бойцов — однозначно сказать трудно, но, кажется, любому читающему это сравнение приходит на ум.

Как видим, немногочисленные свидетельства участников и очевидцев Крымской войны демонстрируют, по большей части, сходную картину отношения противоборствующих сторон к пленным и раненым. Все они создают панорамную картину пребывания противников на маленьком полуострове в разгар Крымской кампании.

Об истинном великодушии, смелости — бесконечно трогательный рассказ из цикла Н. П. Сокальского «Русский солдат и зуав». В бою под Севастополем русский солдат напоил изнемогавшего от ран зуава. Позднее случайные знакомцы встретились в госпитале, три дня они не расставались, а когда зуава отправляли из госпиталя, русский не сдержался: «Гей, брат, прощай!» — закричал он ему вслед. Зуав воротился беглым шагом, обнял его, поцеловал и снова примкнул к отъезжавшей своей партии». И так продолжалось несколько раз, пока «широкая степь не разделила друзей» [5, т. 54, с. 24]. Это пример благородства отношений между противниками, между простыми солдатами, тем более что и тому, и другому нельзя отказать в храбрости.

Между тем, в лагере союзников назревает напряжение; они спорят, чей вклад в осаду Севастополя больше: англичан или французов. «Современник» цитирует английскую газету

6 Ковалевский Егор Петрович (1811–1868) — генерал, писатель. Это один из трех братьев Ковалевских – известных в России людей. Петр Петрович (1808–1855) — ген.-лейтенант, командовал 20-ой артиллерийской бригадой, отличившейся боевыми операциями на Кавказском фронте войны 1853–1855 гг. В 1852 г. служил в Крыму. Евграф Петрович (1790–1867) — министр просвещения 1858–1861 гг., отличался прогрессивными взглядами; добился, в частности, что Н. И. Пирогова, вместо увольнения с попечителей Одесского учебного округа, как того хотел Александр II, перевели попечителем Киевского округа.

ОБЩЕ-ЖИТИЕ: ФЕНОМЕН
СУЩЕСТВОВАНИЯ В ОБЩИХ МЕСТАХ

«Times», которая в конце 1855 г. «меланхолично» рассуждала: «Англичане предчувствовали и были в этом случае совершенно правы, что нападение на Редан (4-ый бастион. — Д. П.) из-за тех же самых траншей, которые были свидетельницами неудавшегося штурма 18 июня, — в то время, как французам предоставлено было нападение на Малахов курган, отстоявший от их траншей лишь на 15 саженей, — лишит английскую армию всякой славы в деле, в потерях которого она приняла, однако, самое чувствительное участие. Справедливость требовала бы непременно шансы выгод и невыгод разделить беспристрастно между обеими армиями, вместо того, чтобы одной из них приготовить верную победу, а другой — неизбежные потери и поражение» [5, т. 55, с. 239].

«Внутреннее» соперничество союзников подметил и Н. В. Берг. В письме издателю «Москвитянина» М. П. Погодину 27 мая 1855 г. из лагеря на Инкермане⁷ находим ремарку: «Англичане, кажется, недовольны успехами французов; почти не слышно об их участии. В бою и вылазках не бывают никогда. Все французы и французы. Англичан только мы видим в лагере, в трубу. Французы ругали их крепко 26 мая: говорят, если бы нам помогали англичане, мы взяли бы Малахов курган» [3, т. 85, с. 55]. Или: «Англичане (не бывшие в бою) явились в небольшом числе на перемирие, но вели себя дурно и переступили черту, назначенную обоюдным условием армий. Французы тотчас заметили им это — и они удалились. Вообще англичане народ нестерпимый. Дерутся также плохо. — Одеты были без вкуса, в пренелепых картузах. Один солдат наш, смотря на такой картуз, сказал: «Верно, англичанин!» — и не ошибся» [3, т. 86, с. 25].

Подытожить размышления поможет очерк «Из Крымских заметок» Н. В. Берга, посвященный не воспоминаниям, а послевоенным событиям и впечатлениям [5, т. 58, с. 131 – 202]. Содержание сводится к следующему. После заключения мира, когда союзные войска еще стояли в Крыму, сложилась достаточно уникальная обстановка: бывшие противники, уже вовсе не чувствуя себя противниками, несколько месяцев «сосуществуют» в Крыму вместе, встречаются, приветливо разговаривают (в основном по-французски), путешествуют. Так, французский полковник Бодуен, воевавший под Севастополем, теперь в сопровождении штабного офицера русской армии Н. В. Берга совершает поездку из Бахчисарая в Симферополь, Карасубазар⁸, Феодосию, через горы — к Мангуп-Кале, в Байдары, в Балаклаву и возвращается в Севастополь и Камыш. Берг, в свою очередь, побывал с Бодуеном в неприятельских лагерях в Балаклаве, Камышовой бухте, Георгиевском монастыре, в занятом и разгромленном неприятелем Севастополе. Берга и француза Бодуена всюду в Крыму приветливо встречали. В Симферополе путешественники остановились в гостинице Таврида (хозяин — бывший севастопольский маркиз Александр Иванович Серебряников), располагавшейся в доме султана Крым-Гирея, мать которого, к сведению, была англичанка, и потому он хорошо говорил по-английски⁹.

В Карасубазаре Берг и Бодуэн гостеприимно встречены в доме городничего Звенигородского; гости остались в восторге от дочери хозяина, образованной и хорошо игравшей на пианино. Их хорошо принимали в своих домах и сытно кормили татары. Когда Берг оказался

7 Инкерман — город районного подчинения на юго-западе Крымского полуострова в Балаклавском районе Севастополя. С севера и востока окружен Балаклавскими высотами.

8 Город Карасубазар в 1944 г. переименован в Белогорск.

9 Ситуация проясняется по запискам Ф. Ф. Вигеля [2]. Упомянутый Бергом султан Крым-Гирей, по-видимому, сын поручика Александра Ивановича Керим-Гиреева, имевшего уникальную судьбу. Уроженец Кавказа, он еще мальчиком был обращен английским миссионером (который смог перекрестить только одного кавказского жителя) в христианскую веру, и вывезен в Англию. Его женили на хорошенькой англичанке и отправили в Петербург. Оттуда их послали в Крым, выделили большой участок земли, вспомогательную сумму и ежегодный пенсион.

ОБЩЕ-ЖИТИЕ: ФЕНОМЕН
СУЩЕСТВОВАНИЯ В ОБЩИХ МЕСТАХ

во французском лагере под Севастополем, то быстро познакомился со штабными офицерами, которые также оказали достойную встречу бывшему противнику, угощали разными редкостями и, что характерно, деликатно молчали, когда речь заходила о русском поражении.

Еще более показательна на этот счет зарисовка Берга о занятой французами Камышовой бухте, где улицы «пестрят разнообразным населением, звучат всевозможные языки»: «Вдруг турецкий разговор влетел вам в уши: по деревянному тротуару валит прямо на вас толпа турок, топя и крича... Пробежали какие-то жидки, выдающие себя сию минуту своей жидовской физиономией. Вот скачет франт-англичанин на чудесном коне. <...> Прошли пять, шесть французов в синих шинелях и красных брюках. А это что? Две русские шинели! <...> Но ваше внимание обращено уже на даму, которая едет верхом рядом с офицером» [5, т. 58, с. 141]. Многонациональная обстановка становилась еще недавним противникам привычной: они собирались за общими обедами, обсуждали итоги войны и даже проводили вместе досуг во французском театре Камышовой бухты Севастополя. Театр мог вместить до тысячи двухсот человек и всегда был полон, рассказывает антрепренер мсье Шово. «Третьего дня были здесь все нации: французы, англичане, русские, сардинцы — *voilà quatre nations!* (Перевод с фр.: «Итого, четыре нации!» — Д. П.) Мне очень приятно вспомнить этот день!» — беззаботно восклицал Шово [5, т. 58, с. 138].

Однако ничто не могло сгладить тяжелого впечатления Н. В. Берга от зрелища разрушенного Севастополя, где все было сожжено или разграблено. Но идея исторического оптимизма теплится в его записках: когда он ходит по бывшим бастионам (4-ому, 5-ому, 6-ому) и вспоминает их защитников, когда смотрит на Северную сторону города и убеждается, что там ничего не изменилось. Приводится один разговор, определяющий фундаментальный подтекст этим эпизодам: это разговор с французами о мосте на Северную сторону, который был заранее тайно построен, а потом разобран с неслышанной быстротой после взятия противником Малахова кургана и ночной переправы русских войск на Северную сторону Севастополя. «Вероятно, этот разговор был затеян с умыслом; но мне весьма было приятно, — пишет Берг. — Построение и уборка моста, действительно, были славным делом. Я сейчас увидел перед собою человека, способного на такие вещи, которые не знакомы другим народам, хоть они на взгляд и подвижнее его и ведут вечно хлопотливую жизнь. Разница в том, что у них есть предел, есть мерка, а русский человек лежит-лежит, да вдруг махнет версту пятисотную...» [5, т. 58, с. 180].

Крымскую войну называют «последней рыцарской войной» за гуманное отношение к раненым и пленным. Заметим, что в письмах и мемуарах — русских, французских, английских — противоборствующую сторону не называют «врагом», только — противником или неприятелем. Да и редакторы журналов «Современник» и «Москвитянин» без страха, что упрекнут в отсутствии патриотизма, публиковали представленные в нашей статье материалы. Гуманное отношение к человеку, даже к неприятелю, если он ранен, было нормой христианской морали и никого не удивляло. Уродливым воспринималось, если было наоборот.

Библиография

1. Васильева Д. К. (Первых Д. К.) Военный корреспондент Н. П. Сокальский и его севастопольские герои // Историческое наследие Крыма. — Симферополь: Полиграфический центр «Новая Эра», 2004. № 6–7. — С. 98 – 108.
2. Вигель Ф. Ф. Записки // Русский архив. — М., 1893. Кн. 3. — С.176 – 177.
3. Москвитянин. Учено-литературный журнал. — М. : Университетская типография, 1855. Т. 85–87.

**ОБЩЕ-ЖИТИЕ: ФЕНОМЕН
СУЩЕСТВОВАНИЯ В ОБЩИХ МЕСТАХ**

4. Орехова Л. А., Орехов В. В., Первых Д. К., Орехов Д. В. Крымская Илиада. Крымская (Восточная) война 1853–1856 годов глазами современников: литература, архивы, пресса. 2-е монографич. изд, перераб. и доп. — Симферополь: ОАО «Симферопольская городская типография», 2010. — 480 с.
5. Современник. Литературно-политический журнал, издаваемый с 1847 г. И. Панаевым и Н. Некрасовым. — СПб.: Тип. Главн. Штаба Его Императорского Величества по военно-учебным заведениям, 1855–1856. Т. 52 – 8.

References

1. Vasil'eva D. K. (Pervykh D. K.) Voennii korrespondent N. P. Sokal'skii i ego sevastopol'skie geroi // Istoricheskoe nasledie Kryma. — Simferopol': Poligraficheskii tsentr "Novaia Era", 2004. № 6–7. — S. 98 – 108.
2. Vigel' F. F. Zapiski // Russkii arkhiv. — M., 1893. Kn. 3. — S.176 – 177.
3. Moskvitianin. Ucheno-literaturnyi zhurnal. — M. : Universitetskaia tipografiia, 1855. Т. 85–87.
4. Orekhova L. A., Orekhov V. V., Pervykh D. K., Orekhov D. V. Krymskaia Iliada. Krymskaia (Vostochnaia) voina 1853–1856 godov glazami sovremennikov: literatura, arkhivy, pressa. 2-e monografich. izd, pererab. i dop. — Simferopol': ОАО "Simferopol'skaia gorodskaia tipografiia", 2010. — 480 s.
5. Sovremennik. Literaturno-politicheskii zhurnal, izdavaemyi s 1847 g. I. Panaevym i N. Nekrasovym. — SPb.: Tip. Glavn. Shtaba Ego Imperatorskogo Velichestva po voenno-uchebnym zavedeniiam, 1855–1856. Т. 52 – 8.